

А.А. ТЕСЛЯ

Дух университета*

В статье предпринимается краткий обзор исторического и актуального значения классической работы Ф. Шлейермахера “Нечаянные мысли о духе немецких университетов”. Значение этого небольшого текста, написанного в 1808 г., обусловлено тем, что в нем эксплицитно представлена целостная программа преобразования университета, ставшая одним из идейных источников формирования немецкого исследовательского университета (“гумбольдтовского”). Особенный интерес в наши дни получает проблема “целостности” университета: согласно Шлейермахеру, многообразие специального знания связывается в единство философией, в противном случае университет теряет свой смысл, обращаясь в скопление факультетов. Университет в трактовке Шлейермахера одновременно обращен к прагматическому (“сведениям”) и самоценному (“знаниям”), причем вскрывается непрагматичность в длительной перспективе “прагматичного” подхода, всегда оперирующего уже наличным, доступным “здоровому смыслу” и, следовательно, в своей самодостаточности быстро утрачивающего “со-временность”.

Ключевые слова: йенские романтики, исследовательский университет, классический университет, университетские реформы, философия образования, философия романтизма.

DOI: 10.31857/S086904990001500-2

... чем сильнее бурлит дух науки, тем сильнее возбуждается и дух свободы, и оба они оказываются в оппозиции, если от них требуют услужения. Ведь именно те, кого природа предопределила к науке, суть достойнейшие и действительнейшие члены университета; все надлежит согласовывать с ними, все должно с ними соотноситься, и нельзя терпеть ничего из того, что было бы противно их устремлениям.

Ф. Шлейермахер

Недавно вышедший перевод небольшой работы Ф. Шлейермахера, цитата из которой вынесена в эпиграф [Шлейермахер 2018]¹, ценен не только тем, что вводит в русский язычный оборот, делает возможным знакомство широкой публики с текстом крупного немецкого философа и богослова первой трети XIX в., но и своим непосредственным содержанием. “Нечаянные мысли...” были написаны и незамедлительно напечатаны в 1808 г., в самый разгар дискуссий о будущем немецкого университета, и оказали существенное влияние на разработку и общественную поддержку проекта Берлинского университета, основанного в следующем году.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (№ 18-18-00442) “Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках” в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта.

¹ Далее в тексте ссылки на страницы этой книги приводятся в круглых скобках.

Напомню исторический контекст: после Тильзитского мира в 1807 г. Пруссия потеряла свой основной университет в Галле, на ее территории остались только расположенный на самом восточном краю королевства Кенигсбергский университет и небольшой университет Франкфурта-на-Одере. В этой ситуации сформировалось решение основать новый университет, долженствовавший восполнить утрату. Однако это сразу же привело к напряженным дебатам о том, где и, главное, каким образом он должен быть устроен. В итоге в 1809 г. был открыт Берлинский университет, ставший парадигмальным для последующего развития университетской системы. Разумеется, современные университеты радикально отличаются от “гумбольдтовского”. К тому же, как теперь хорошо известно благодаря многочисленным историческим трудам (см. [History... 2004; Андреев 2009]), сама идея “гумбольдтовского” университета в последующих интерпретациях была равно далека и от первоначальных идей прусского министра по делам вероисповеданий и просвещения В. Гумбольдта, и от реального устройства новооснованного университета. Но несмотря на все эти уточнения, равно как и гораздо лучшее понимание ныне длинной предыстории, приведшей к формированию исследовательского университета (см. [Кларк 2017; Тесля 2018]), нельзя не признать, что роль нового университета, а также дебатов, предшествовавших его основанию и сопровождавших первые годы его существования, огромна.

Обращение к тексту Шлейермахера полезно прежде всего для понимания того сцепления вопросов, конфликтов и предложений по их разрешению, которые вылились в программу “гумбольдтовского” университета. Прежде всего Шлейермахер непосредственно связывает и университет, и науку с нацией: наука существует поверх границ, но “для всех научных занятий, существующих в области *одного* языка, характерно естественное и близкое сродство, в силу которого они сопряжены друг с другом теснее, нежели с какими-нибудь другими, и потому-то и образуют свое собственное, некоторым образом замкнутое целое в пределах некоторого более значимого целого” (стр. 50), то есть мировой “республики ученых”. Интересы государства и науки не имеют естественной гармонии – государство заинтересовано в “сведениях”, тогда как наука стремится к “знанию”. Государство – и это особенно актуально для Германии того времени – имеет границы, никак не совпадающие с границами, которые образует “целое” ученых, говорящих на одном языке. Поэтому для Шлейермахера важны одновременно два аспекта:

– во-первых, обоснование, что политика “закрытости”, замыкания в пределах государственных границ, отношение к науке конкретного княжества или герцогства как к собственному достоянию (особенно в небольших государствах) ведет в конце концов к быстрому упадку науки – в том числе и в интересующем государство прагматическом аспекте (интерес государства к науке, по Шлейермахеру, – это не только сведения, но и “слава”);

– во-вторых, и здесь обнаруживается прямая связь с национальным подъемом², стремление, чтобы “государство полностью наполняло собою область своего языка”, поскольку в этом случае целый ряд противоречий между наукой и государством снимаются: “...более тесное научное сообщество уже не стремится вырваться за его границы” (стр. 53). И напротив, если бы государство “охватывало собою область нескольких языков”, то “ученые... очевидно, разделились бы на две партии, и каждый язык стал бы пытаться отвоевать благосклонность властителя, выражаемую по отношению к какому-то другому языку, а искреннее братство создавалось бы лишь среди тех, кто говорил бы на *одном* языке” (стр. 54)³. Идеалом в этом случае выступает образование единой герман-

² Нашедшем самое глубокое выражение в “Речах к германской нации”, прочитанных в том же году в Берлине И. Фихте [Фихте 2008].

³ Ср. с замечанием в статье “О необходимости учреждения нового университета” (которая размещена в рассматриваемой книге в качестве приложения): “Франкфурт[-на-Одере] был хорош лишь как миссионерское учреждение для поляков, о которых теперь Пруссия, надеюсь, будет меньше заботиться” (стр. 180). Шлейермахер имеет в виду потерю вследствие Тильзитского мира и образования Великого герцогства Варшавского большей части польских земель, полученных по разделам Польши 1772–1795 гг., демонстрируя явную волю к образованию национально-гомогенного государства, в том числе и ценой утраты прежних территорий.

ской академии, а как компромиссный шаг – отказ от множества академий, существующих в различных германских государствах и образование двух, на севере и на юге.

Однако прямой практический вопрос в это время заключается в самой судьбе университетов – а именно, ориентировать ли систему высшего образования на реформированный университет (и если да, то реформированный каким именно образом) или же отдать предпочтение системе “высших школ”. Последняя представляла собой воплощение наибольших достижений французского опыта. (В организации высшего образования Российской империи о нем напоминают Институт путей сообщений, Медико-хирургическая академия, Александровский лицей и Училище правоведения.) Защищая университет, Шлейермахер использует два рода аргументов. Во-первых, объявляя сформулированный им трехуровневый тип (школа – университет – академия) “изначально немецким”: “школа как сотрудничество мастера и его ученика, университет с его учащимися, академии как собрания мастеров друг с другом” (стр. 65) в противовес “высшим школам” (стр. 96 – 97). Во-вторых, парируя упрек в “цеховом устройстве” как пережитке старины, он предлагает сугубо рациональную интерпретацию этой иерархии: в школе ученик знакомится с существующим, наличным знанием, приобретая сведения, университет призван “научить учиться” (стр. 76) и потому, кстати, требует гораздо меньшего времени, чем школа, а в академии происходит уже специальная монографическая работа – тогда как университет в первую очередь порождает учебники и курсы.

Базовая для Шлейермахера оппозиция сведений и знания раскрывается в его отношении к “высшим школам”. Школа столь же прагматична, как прагматичен и государственный интерес: она дает сведения, и для этого необходима наука, но она устремлена к знаниям: “Те же, кто получают образование в университете, одновременно являются теми, кому в будущем и надлежит образовывать нравы. И разве можем мы тогда требовать от них, чтобы они переходили лишь от послушания к послушанию...” (стр. 159).

Одна из ключевых для Шлейермахера проблем в реформировании университета состоит в том, как обеспечить свободу исследований и преподавания – защитить ее не только от правительств, но и от самого университета (стр. 135–137). Со стороны правительства Шлейермахер видит угрозу в прагматизме – во вполне понятном стремлении использовать университет как место сбора информации и подготовки специалистов: “...следует опасаться вреда от широкого распространения таких взглядов, которые бы низводили науку до уровня чистого услужения государству” (стр. 144). Университет же склонен замыкаться на себя – и “никто не хочет высказаться за то, чтобы предоставить весь этот выбор [профессоров] одному лишь университету; университеты в целом пользуются такой дурной славой из-за духа мелочных интриг, что, пожалуй, всякий в такого рода учреждении будет опасаться вреднейших последствий партийных пристрастий, личных связей и тех страстей, что возбуждают литературные распри” (стр. 135). Тем самым ключевым оказывается вопрос баланса.

Отсюда вытекает особая роль философии и философского факультета – он единственный, который “репрезентирует непосредственно единство научного союза” (стр. 173). Прочие факультеты учреждаются в меру государственных надобностей, отмечает Шлейермахер, но философский служит им всем основанием как первый и необходимый для студентов, в дальнейшем выбирающих направление своих занятий. И это же обосновывает необходимость именно университета, замена которого высшей школой была бы “печальным знаком недооценки значения высшего образования для государства, а также того, что чистый механизм предпочитают самой жизни” (стр. 96), ведущим к “преобладанию ремесленнического образования и плачевной ограниченности во всех предметах”, тогда как другое значение университета в Германии, согласно Шлейермахеру, заключается в “образовании нравов”: “Здесь именно и состоит превосходство и своеобычность Германии, заключающиеся в том, что издавна образование нравов не рождалось в формально более высоких сословиях, величие которых, собственно, есть всего лишь один из нравов и обычаев, и поэтому также может стоять под вопросом, но осуществлялось среди тех, кто в силу своих занятий должен был приобщаться к первозданной образующей мощи познания. Они, с одной стороны, ввели в своем кругу свободный стиль жизни, ко-

торый и распространяется оттуда вверх и вниз; с другой стороны, в их решениях проходит проверку, что из наличествующего или, напротив, возникающего по-новому, заслуживает отклонения или признания” (стр. 159).

Тем самым Шлейермахер вновь возвращается к необходимости для университета известной свободы, к сущностной связи между университетом и свободой. Не в том смысле, что университет ее необходимым образом производит, но в том, что, когда он ее лишается – сам ли, в силу косности и замкнутости сообщества, начинающего воспроизводить само себя, или извне, когда мера государственного контроля перейдена, – то университет перестает соответствовать своему назначению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.Ю. (2009) Российские университеты XVIII–первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак.

Кларк У. (2017) Академическая харизма и истоки исследовательского университета. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Тесля А.А. (2018) Академическая харизма: от корпоративной к индивидуальной (Рецензия на книгу: Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета. М., 2017) // Новое литературное обозрение. № 2 (150). С. 328–330.

Фихте И.Г., (2008) Речи к немецкой нации (1808) М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”.

Шлейермахер Ф. (2018) Нечаянные мысли о духе немецких университетов (с приложением об одном из них – недавно учрежденном). М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”.

History of the University in Europe (2004) Vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge Univ. Press.

Spirit of University

A. TESLIA*

***Teslia Andrei** – Ph.D. Senior Researcher, Institute for Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University. Address: Chernishevskogo str., 56a, Kaliningrad. Russian Federation 236022. E-mail: mestr81@gmail.com

Abstract

This paper takes a short review of historical and actual significance classical Friedrich Schleiermacher’s work “Unintentional Thoughts about Spirit of German Universities. Value of this small text of Schleiermacher, written in 1808, is due with the fact that explicitly presents the complete program of university transformation, which became one of the ideological sources of the formation of the German research university (“Humboldt”). Particular interest today is problem of “integrity of the university”: according to Schleiermacher variety of special knowledge is linked into unity philosophy, otherwise the university loses its meaning, turning to cluster of faculties. The university in Schleiermacher’s interpretation is at the same time turned to pragmatic (“information”) and self-valuable (“knowledge”) and reveals the non-pragmatism in the long term, which always operating already available “common sense” and, therefore, in its self-sufficiency quickly losing the “modernity”.

Keywords: Jena Romantics, research university, classical university, university reforms, philosophy of education, philosophy of romanticism.

REFERENCES

Andreev A.YU. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII - pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy* [Russian universities XVIII – first half of the XIX century in the context of the university history of Europe]. Moscow: Znak.

Clark W. (2017) *Akademicheskaya harizma i istoki issledovatel'skogo universiteta* [Academic Charisma and the Origins of a Research University]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ehkonomiki.

Fichte J.G. (2008) *Rech'i k nemeckoy natsii (1808)* [Addresses to the German Nation]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".

History of the University in Europe (2004) Vol. III: *Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945)*. Cambridge Univ. Press.

Teslia A.A. (2018) Akademicheskaya harizma: ot korporativnoy k individual'noy (Recenziya na knigu: Klark U. Akademicheskaya harizma i istoki issledovatel'skogo universiteta. M., 2017) [Academic charisma: from corporate to individual (Book Review: Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University, Moscow, 2017)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (150), pp. 328–330.

Shleiermacher F. (2018) *Nechayannye mysli o duhe nemeckih universitetov (s prilozheniem ob odnom iz nih – nedavno uchrezhdennom)* [Occasional Thoughts on Universities in a German Spirit, together with an Appendix on One about to be Founded]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".

© А. Тесля, 2018